Воробьев
Октябрьск.
8 ни...
Свердловск,
1927.
1 экз.

ИМЛ—Библиотека
ГИ200
В628

ИСТПАРТ УРАЛОБКОМА ВКП (б)

В. ВОРОБЬЕВ

ГИ200
В628

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

ОЧЕРК

СВЕРДЛОВСК 1927

ИСТПАРТ УРАЛОБКОМА ВКП (б)

ГИ200
В628 р

В. ВОРОБЬЕВ

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

ОЧЕРК

1экз

СВЕРДЛОВСК 1927

Б.
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ГИ200 р
В 628
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
69548
8/41/27
~~69548~~
СФ
41742

Уралобллит № 1316. Тираж 3000 экз.

Свердловск, «Уралполиграф», тип. «Гранит». Заказ № 5188.

В КОЛЬЦЕ КРИЗИСОВ.

В тот год даже погода была неустойчивой—все никак не могла придти в норму. Жаркие погожие дни резко сменялись ненастьем, несколько раз возвращались летом холода.

— Прогневали, видно, бога своей ривалюцией греховодники,—шамкали на завалинках, кутаясь в темные, пропахшие ладаном шали, старухи-староверки.—На земле порядка не стало,—вот и на небе погоды нет...

Верно говорили старухи: не стало на земле порядка. В суматохе, в небывалом волнении, в буре и пламени жила в тот год земля.

Полмира горело в огне войны, полмира было залито кровью. А там, где больше других устали люди от войны, где больше всего страной правили насилие и гнет, ярко пылали в огне революции остатки старого мира, жадно искала творческая народная мысль новых путей к лучшей свободной и радостной жизни.

Не стало на земле старого, веками сложившегося, казавшегося таким прочным, незыблемым, порядка. В великом волнении жила земля. Великая смута прошла между людьми.

С каждым днем расла, ширилась эта смута. Каждый день приносил что-нибудь новое. И это новое будоражило мир, как будоражат стоячую воду скатившиеся с кручи камни. Жизнь не шла день

за днем, как раньше, а подобно лихой русской тройке, мчалась вскачь, не зная преград и остановок. Каждый день ложился новой страницей в книгу истории. Каждый день казался месяцем, а месяцы вырастали в годы.

В гнилые февральские петроградские сумерки началось это. Сумерки разгорелись в зарю. Март, апрель, май мелькнули мимо, как сон. Они были так коротки для всех, кто был вовлечен в водоворот революции: не хватало времени для работы. А прошли они—и стали издали казаться длинными, как жизнь.

Осталась позади весна, наступили лето и осень. А смута все росла.

Рабочий народ поднимался, чтобы строить жизнь по своему. Вековой туман, в каком он жил до той поры, рассеивался. Ясно видел теперь рабочий, какими цепями сковал его капитал. Нетерпеливо искал он способов порвать, разрушить эти цепи, взять в свои руки судьбу свою и судьбу народа, из рядов которого он вышел. Он собирал, копил силы, под руководством великой партии, которой суждено историей перестроить мир, готовил их для последнего решительного боя.

Готовился к этому бою и капитал. В его руках была сила: фабрики и заводы, армия и государственная власть.

Вопрос: кто кого?—стоял грозным вопросом в порядке дня российской действительности всюду—и в красной столице, и в Москве, и в Донбассе, и на Кубани, и у нас на Урале.

На Урале, как и везде, в этом вопросе был узел переживаемой страною смуты. И с каждым днем жизнь ставила этот вопрос все острей и острей.

Урал переживал тяжелые дни. Его заводы задыхались в тисках всевозможных кризисов, кото-

рые нарастали один за другим точно по заказу. Топливный, финансовый, серьевой, жилищный, транспортный—сколько их было! И покрывая все своей мрачной тенью, с неумолимостью рока надвигался, выростая в грозную опасность для завоеваний революции, продовольственный кризис.

Смута окончательно разладила разложенное войной хозяйство. Почти что на нет сведено было экономическое взаимодействие отдельных областей. Фактически самому себе был предоставлен Урал. Один, без помощи извне, должен был он вести борьбу с усиливавшейся разрухой, поддерживать жизнь своих заводов, своих железных дорог.

Вопрос: кто кого?—стоял на Урале, может быть, острее чем где-либо.

Уральские горнопромышленники вели форменное наступление на рабочий класс. Как оружие против него, они не гнушались использовать и нехватку продовольствия и финансовый кризис. Минимум заработной платы все время был под угрозой. Угрожая локаутом, заправилы Сергинско-Уфалейских и Богословских заводов об'явили поход против нормального рабочего дня для рабочих и служащих. Угрожая арестом и увольнением с завода, вела борьбу с революционными рабочими организациями администрация Северского завода.

В такой обстановке проходило бурное и тревожное лето 1917 г. на Урале. И все, чем жил Урал, как в фокусе, собиралось в его сердце—в молодой его столице—Екатеринбурге.

Здесь был узел всей уральской промышленности, уральской экономики. Благодаря уродливости и оторванности от жизни старых административных границ, Екатеринбург являлся административным центром лишь маленького уголка всего горнопромышленного Урала—Екатеринбургского уезда. Тем не ме-

нее, именно сюда сходились все вены и артерии, дававшие жизнь уральской промышленности, все ее нервы, здесь был ее мозг и здесь билось ее сердце. В Екатеринбурге был центр, управляющий казенными заводами Урала, областной военно-промышленный комитет, областная биржа, областные отделения банков, областной союз потребительской кооперации, областной комитет ж. д. перевозок, областная организация, ведавшая снабжением уральских заводов.

В Екатеринбурге же, наконец, на расстоянии пары кварталов один от другого, существовали два враждебных друг другу штаба—бюро горнопромышленников Урала и исполнительный комитет областного совета рабочих и солдатских депутатов Урала. А за его спиной—областной комитет великого организатора побед рабочего класса Р.С.-Д. Р.П. (большевиков).

А кругом на сотни и тысячи верст зеленые увалы отлогих гор, увенчанных серыми гребнями шиханов, леса и луга, пашни и болота, десятки упершихся в небо дымными трубами заводов, и в жалких лачугах вокруг них тысячи и сотни тысяч рабочих семей, мозолистых рук, море страдания, горя и нищеты, море гнева и воли к борьбе, и веры в победу.

КОСТЛЯВАЯ РУКА ГОЛОДА.

Самым грозным из всех кризисов, надвинувшихся в тот год на Урал, был, несомненно, продовольственный кризис

Горнозаводский Урал издавна жил привозным хлебом: своего не хватало. Хлеб на Урал везли из Сибири—из Томской губ., из Акмолинской области, с Тобольского Севера. Бывало, как осень, так и потянутся хлебные маршруты на Кизел, на Тагил, в Екатеринбург. Миллионов десять пудов сибирского хлеба с'едал ежегодно рабочий Урал. Но то было раньше.

Подошла война. Хлеб понадобился армии. Железные дороги обеднели вагонами и паровозами. Подвоз хлеба из Сибири на Урал сильно сократился: в месяц стало поступать оттуда не более 500 тысяч пудов хлеба. А между тем, одни только исетские мельницы Екатеринбургского района требовали зерна ежемесячно 1.200 тыс. пудов.

Заготовка хлеба в земледельческих районах Урала шла медленно. С ней запоздали из-за того, что новые продовольственные органы были слишком слабы. Учет излишков по деревням начался только в конце сентября 1917 г. В августе было приступлено к реквизиции хлеба прошлогоднего урожая. Мужики были недовольны твердой ценой, шумели, не давали продовольственникам накладывать печати на амбары с хлебом, и пока к этим амбарам

приезжали воинские наряды за хлебом,—хлеб из них исчезал. Хлеб нового урожая лежал в кладях необмолоченный. Но крестьяне тайком частями молотили его и сплавляли спекулянтам. Виновных в этом уличали, составляли протоколы, но это не приводило ни к чему. Зерна не хватало, и мельницы на Исети останавливались, а в городах и заводах расли, становились все длиннее и длиннее очереди у мучных лабазов. Наступил продовольственный кризис, быстро достигший угрожающих размеров.

С изданием закона о хлебной монополии повсюду стали создаваться новые продовольственные органы. Но положение стало не лучше, а хуже. Новые организации работали недостаточно энергично, сидели нередко без денег, сильно мешали им работать военные власти, буквально из-под носа у них выхватывавшие для армии целые хлебные маршруты.

Екатеринбургский продовольственный комитет вынужден был послать за хлебом своих представителей в Кунгур, в Тобольск и другие хлебные районы. Они вернулись ни с чем. Хлеба видели много, но привезти его никакой возможности не было. Не удалось им выполнить в предположенном количестве и плана водных хлебных перевозок по рекам северного Урала.

С мукой в Екатеринбурге пришлось совсем туго. Тогда исполнительный комитет настоял перед порайонным комитетом по перевозке грузов, чтобы он отправил из Екатеринбурга два маршрутных поезда в Сибирь за зерном. Для того, чтобы поезда не задерживали и чтобы у них не отцепили где-нибудь вагонов, исполнительный комитет отправил с ними вооруженных солдат.

Поезда ушли и где то застряли. Запасы хлеба, между тем, в городе совсем растаяли, и очереди у

хлебных магазинов стали еще более длинны и беспокойны.

Настали тяжелые дни. Недостаток муки заставил продовольственную управу сократить мучной паек. И с первых чисел октября было об'явлено, что население получит не 30 ф., а 10 ф. на человека. Остальные 20 фун. было обещано додать позднее.

Уменьшение пайка вызвало среди населения тревогу. По городу поползли слухи:

— Муки, слышь, вовсе скоро не будет. Везли ее для нас из Сибири, а продовольственники ее продали. А деньги между собой поделили.

В толпе, ежедневно запруживавшей улицу у помещения продовольственной управы, а также в хвостах у мучных лавок стоял невообразимый галдеж. Брань по адресу управы, угрозы, призывы идти громить помещение управы и проучить ее работников, взвинчивали толпу, разжигали и без того нараставшее озлобление.

Утром 3 октября 1917 г. настроение в толпе у продовольственной управы было уже явно погромное. Возбуждение, царившее в толпе, подогревалось какими-то личностями, очень сомнительной внешности.

Когда собрались служащие, и в управе начались занятия, толпа, состоявшая преимущественно из женщин, сорвалась с места и бросилась громить помещение управы.

— Бей их!..

Зазвенели разбиваемые стекла. Караул, стоявший в дверях, был смят. Толпа ворвалась в помещение управы и набросилась на членов управы, пытаясь опрокинуть столы и раскидать бумаги.

Председателя управы Леонидова и некоторых работников ее раз'яренные женщины изрядно поколотили.

Перепуганные продовольственники по телефону сообщили о погроме в совет, который выслал в управу роту солдат.

Однако, солдаты оказались бессильными выдворить толпу из помещения управы. Пришлось вызывать подкрепление; и только тогда—и то с великим трудом—удалось очистить помещение управы.

Вытесненная на улицу толпа долго не успокаивалась, и в окна управы продолжали лететь камни.

Те же личности шныряли по толпе и божились, что на их глазах при вытеснении толпы из помещения управы была убита одна женщина и две ранены, что в продовольственном комитета амбары ломятся от муки, что члены его набивают себе карманы на нехватке хлеба. Открыто раздавались призывы к новому погрому и самочинным обыскам в городе с целью отыскать спрятанный хлеб и товары и за укрывательство намылить головы «кому надо».

Толпа не расходилась целый день. Настроение ее было самое воинственное и сдерживалось только войсками.

Беспорядки у продовольственной управы взволновали весь город. Из улицы в улицу, из квартала в квартал ползли самые фантастические слухи о бунте.

Исполнительный комитет собрался на экстренное заседание: ждали погрома, надо было готовить вооруженную силу на случай беспорядков.

Спешно отпечатали и расклеили по городу пару воззваний. Одно обстоятельно об'ясняло истинные причины обострения продовольственного кризиса и разоблачало происки хлебных спекулянтов, поднимавших толпу против продовольственных комитетов.

— «Приложите все ваши усилия помочь избранным вами же комитетам провести до конца тяжелое

и крайне ответственное дело снабжения населения хлебом,—говорилось в этом воззвании. Не осложняйте работу продовольственных комитетов, а наоборот сами стремитесь противодействовать попыткам расстроить уже налаженную работу комитетов. Противодействуйте угрозам разогнать комитеты со стороны толпы или разгромить эти комитеты».

Другое воззвание призывало население города к спокойствию и запрещало всякие сборища и собрания на улицах и площадях без ведома и разрешения исполнительного комитета.

В толпе и на улицах шумели больше всего солдатки. Их в первую голову надо было успокоить. Для этого совет организовал собрание солдаток. Поставили на нем доклад о казенном пайке, о продовольственном положении.

Солдатки долго шумели. Но пошумев, успокоились. Приняли, кстати, резолюцию, чтобы совет потребовал у пермского губернского присутствия назначения нового пайка в размере 25 рублей.

На другой день волнение в городе поулеглось. Но положение с продовольствием продолжало оставаться катастрофическим.

В центр летели одна за другой телеграммы о необходимости спешных мероприятий в области снабжения. Телеграммы одна другой были тревожнее.

«Завтра распределять нечего»,— телеграфировал, например, 6 октября мукомольный отдел.— Встали мельницы Ивановых, Беленькова, останавливается мельница Степановых. Население кормится картофелем, запасы которого ограничены. Продолжают поступать сведения об избиении членов продовольственных комитетов и их бегстве. Дальнейшее промедление поставит население Урала перед лицом голодной смерти. Экономическая жизнь

на Урале, единственном теперь источнике, питающем нашу оборону металлургией, замрет. Во имя спасения спокойствия на Урале требуем принять безотлагательные меры к удовлетворению общего вопля населения о хлебе. О принятии срочных мер мы настаиваем с конца августа и все-таки не видим пределов медлительности министерства».

Телеграммы, подобные этой, загромождали и без того забитые телеграфные провода, а толку никакого от них не получалось. Хлеба не было, не было и надежд на его получение.

Запасов муки в городе не было никаких. Хлеб поступал по 1—2 вагона в день. В иные дни не бывало и этого.

Так продолжалось в течение всего октября.

В середине октября собралось губернское продовольственное совещание. Судило оно, рядило и вынесло резолюцию: бороться со спекуляцией, проводить закон о хлебной монополии, продукты промышленности распределять в первую очередь между сельским населением. Но все это, конечно, не решало продовольственного вопроса. Решить его могло только одно: переход власти в руки советов, жесткое проведение ими хлебной монополии, передача земли земельным комитетам, установление над промышленностью государственного контроля, переход ее в руки самих рабочих.

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ТЕНИ.

В течение всего октября не утихало в городе волнение. В тревожной атмосфере слухов о готовящемся погроме изо дня в день жил Екатеринбург. И с каждым днем все более смелой и дерзкой становилась контр-революционная агитация.

17 октября исполнительным комитетом совета было созвано совещание в связи со слухами о погроме. Надо было решить: как быть, если погром в самом деле начнется. Договорились на том, что надо принять самые решительные меры к охране общественного порядка и спокойствия вплоть до разгона самочинных собраний и прекращения вооруженной силой всяких попыток к насилию и грабежу.

А по городу, между тем, из уст в уста передавался призыв:

— 20-го к 9 час. утра собираться на Покровский к совету на вольные митинги...

Откуда шли эти призывы, кто был их автором— установить было невозможно.

Одновременно по городу велась усиленная агитация против продовольственной управы. Снова на базарах и в продовольственных хвостах появились какие то темные личности, которые сбивали толпу на разгром управы и складов продовольственных припасов. Определенно говорили:

— 20-го, слышь, сперва митинг будет, а потом базар громить пойдем.

Близились тревожные дни.

Чтобы прекратить распространение слухов, волнующих население, и предотвратить погром, совет вместе с комиссаром Временного Правительства Толстоуховым и начальником гарнизона полковником Марковец обратился к населению с воззванием, в котором указывалось на вздорность распускаемых слухов, говорилось о том, что никаких митингов, на открытом воздухе у совета никто не назначал и что вообще всякие собрания безусловно воспрещены.

В тот же день, 17 октября, вопрос о борьбе с растущей «анархией» выплыл на заседании доживавшей последние свои дни цензовой городской думы.

Рассматривалось два предложения. Одно предложение—министра внутренних дел—об образовании особого комитета для борьбы «с растущей среди масс населения анархией путем об'единения и сплочения здоровых элементов, дабы совместно с ними укрепить престиж власти и противодействовать всякого рода незаконным поступкам и выступлениям отдельных лиц и широких масс». Второе предложение совета: делегировать от думы представителя в организованную уже им комиссию по борьбе с погромным движением.

Жалки и беспомощны были в этот вечер речи гласных думы—этого последнего обломка тонувшего в волнах разбушевавшегося революционного моря корабля буржуазного общества.

Казалось бы, цензовые стародумцы должны были бы только благодарить, что орган революционной демократии приглашает и их на совместное совещание. Оказывается, нет.

Осанистый, весь преисполненный сознания собственного достоинства присяжный поверенный Ква-

нин выступил с резким протестом против участия думы в советской комиссии.

— Как может совет рабочих депутатов бороться с анархией,—спрашивал он,—когда он сам является гнездом анархии? Он идет по указке большевиков, а большевизм—это мы все, господа гласные, прекрасно знаем—источник анархии...

Господа гласные согласились с Кваниным и решили: с советом никаких дел не иметь, а дело борьбы с анархией предоставить воле божьей и особому комитету, который надо для этого организовать.

Но когда на другой день к городскому голове Обухову, запыхавшись, прибежали за защитой перепуганные слухами о назначенном, якобы, на 20-е число погроме купцы, он задумался. Комитет по борьбе с анархией был еще весь в будущем, а воля божья на этот раз показалась ему не очень надежным средством против погрома,—и он кинулся к телефону созывать гласных в городскую управу на экстренное совещание о мерах предупреждения ожидавшегося погрома.

Совещание собралось. Господа гласные долго говорили на счет «источника» анархии в городе и, наговорившись досыта, миром разошлись, не приняв никаких определенных решений.

Дума была бессильна что-либо предпринять. Еще более бессилен был комиссар Временного Правительства Толстоухов, управляющий по существу только милицией. Да и та его не очень-то слушалась.

В городе была только одна единственная сила, которая действительно могла в корне пресечь беспорядки, всякие попытки погрома. Этой силой был совет, за спиной которого стояли штыки четырех екатеринбургских полков.

Совет решил обеспечить сохранение порядка в городе чего бы это ни стоило. И он его обеспечил.

Подошло 20-е число. С раннего утра по распоряжению исполнительного комитета были поставлены под ружье многие воинские части. По первому тревожному звонку телефона они были готовы выступить против погромщиков. Улицы были наводнены воинскими патрулями, зорко следившими, не собирается-ли где-нибудь толпа. Во дворе дома Поклевского-Козелл, где помещался исполнительный комитет совета, и на винном складе дежурило на-готове по роте солдат. В исполнительном комитете установлено было непрерывное дежурство его членов.

Город словно притаился. Магазины были наполовину заперты. Необычно пустынны и молчаливы были всегда такие оживленные торговые улицы.

Меры, принятые советом, свое дело сделали: никакого погрома не случилось. День 20 октября прошел совершенно спокойно. И когда на улицы спустились ранние осенние сумерки и в домах загорелись первые огни,—весь город словно вздохнул свободно:

— Пронесло...

Весь октябрь в тревоге и волнении жила уральская столица. Как-то все одно к одному складывалось и наваливалось на испуганного обывателя. Отовсюду валились на его голову неожиданности, все новые и новые треволнения.

Подошли они даже с такой стороны, откуда их меньше всего можно было бы ожидать,—со стороны школы.

Школа была чуть-ли не единственной областью, которую революция пока обошла, в которой почти все осталось по прежнему, ничто не изменилось.

Она была, как и прежде, оторвана от общества, от жизни. В ней хозяйничали бездушные ставленники Кассо, царили рутина, казенщина.

Застегнувшись на все пуговицы мундира, Кирцидели *), Яненцы **), Громеки, поставленные еще царскими министрами,—руководители екатеринбургской средней школы,—по прежнему говорили с детьми языком циркуляров, искореняли из школы все живое, что не было предусмотрено соответствующими параграфами соответствующих правил, уничтожали, как и раньше, при помощи полицейских мер ростки новой жизни, что, наперекор их воле, пробивались в школе.

Но вот в это стоячее гнилое болото упал камень. В среде заплесневевших педагогов появился новый человек—преподаватель Младов. Чуждый формализма, проникнутый искренним желанием служить другим, он внес новые идеи, свежую струю в затхлую атмосферу школы. Ученицы VI класса 2-й женской гимназии, где Младов преподавал словесность, скоро полюбили нового учителя. Но учительский персонал отнесся к нему враждебно. Скоро оказалось «неудобным введение в штат постороннего гимназии преподавателя», который «не может согласовать часы своих уроков с расписанием», оказалась «совершенно неприемлемой система его преподавания» и т. д., и т. д.

— Или я или Младов!—заявляет председатель педагогического совета Кирцидель. И Младова выбрасывают вон из гимназии.

— В чужой, де, монастырь со своим уставом не суйся...

---

*) Кирцидель—директор реального училища.
**) Яненц—директор гимназии.

Глубоко оскорбленные таким отношением к уважаемому и любимому преподавателю, ученицы запротестовали против его увольнения. Потребовали его возвращения. Наотрез отказались заниматься с другим преподавателем словесности. На этой почве возник серьезный конфликт. В дело вмешался комитет общегородского союза учащихся средних учебных заведений и предложил рассмотреть и разрешить конфликт в совместном заседании педагогического совета, представителей учащихся, союза и родителей.

Кирцидель погнал от себя делегатов союза в шею, заявив, что он никаких делегатов от самочинных организаций принимать не желает.

Союз учащихся обратился за поддержкой к родительскому комитету. Но в доверчиво протянутую руку детей «родители» положили вместо хлеба камень. Большинство родительского комитета стало на сторону Кирциделя

— Яйца курицу не учат!—обрезали «родители» учащихся.

Предложение союза учащихся было отклонено. А один из родителей даже предложил высказать полное доверие Кирциделю и исключить весь VI класс из гимназии и таким путем покончить с конфликтом. И только двое из членов родительского комитета—врач Лепешинский и журналист Герасимов—запротестовали против этого возмутительного предложения.

— Не место в новой школе приверженцам старого режима, воспитанникам Кассо и Толстого, руки которых обагрены кровью наших детей,—сказали они.

Ученицы зааплодировали.

Весь бледный поднялся и пошел к выходу Кирцидель.

— Я понимаю, к кому относятся эти слова.

За ним ушли и все остальные присутствовавшие на заседании педагоги.

Конфликт разгорелся, приняв форму уже общественного скандала.

Оскорбленные педагоги решили закрыть гимназию впредь до собрания всех родителей, которые должны были сказать: доверяют они или не доверяют педагогическому совету. 9 октября занятия в гимназии были приостановлены.

Потеряв надежду найти справедливость в стенах школы и в среде родителей, учащиеся решили передать конфликт на разрешение совета. Тем самым в него была втянута вся революционная екатеринбургская общественность. Из стен школы конфликт выплыл на страницы партийной печати, на повестку деловых заседаний исполнительного комитета и даже партийных комитетов.

Когда делегатки учащихся сообщили родителям, что они идут жаловаться на учителей в совет, родительский комитет завопил:

— Солдаты решают их дела, а не родители!

Но помешать учащимся искать помощи в совете комитет, конечно, не смог. Ученицы пошли в исполнительный комитет, к представителям революционных рабочих и солдат, расчитывая встретить у них сочувствие и найти защиту.

Учащиеся всего города собрались на общее собрание для решения вопроса—как быть дальше. Решено было организовать 16-го октября демонстрацию протеста против решения родительского комитета 2-й гимназии, не удовлетворившего ни одной из просьб учениц.

Время было очень тревожное, в городе ждали погрома.

Родители испугались за своих детей. Президиум родительских комитетов послал в совет представителей с просьбой предотвратить выступление учащихся.

Исполнительный комитет согласился с родителями, что демонстрации допускать не следует и предложил учащимся ее отменить. Вместе с тем, заслушав делегаток от учениц 2-й женской гимназии, он решил вмешаться в конфликт, грозивший перекинуться в другие учебные заведения города.

Президиуму екатеринбургских родительских комитетов было предложено явиться 20-го октября в совет для разрешения конфликта. Президиум, который только что трусиливо бегал в совет с просьбой устроить так, чтобы демонстрация учащихся не состоялась, вдруг изменил тактику.

Вмешательство совета в учебные дела на этот раз было высокомерно признано нежелательным и отклонено.

Совету так и не удалось откликнуться на этот заносчивый ответ контр-революционных обывателей из родительских комитетов: подходили горячие дни, когда стало уже не до них, не до школьных конфликтов.

В торжествующем грохоте октябрьской победы утонул протестующий голос рвавшейся к новой жизни учащейся молодежи. Конфликт во 2-й женской гимназии, которым, в конце концов, жил пару недель весь город, был оттеснен в сторону новыми, неизмеримо более важными событиями и скоро забыт.

БОЛЬШЕВИСТСКИМ ПУТЕМ.

В сущности говоря, в 1917 г. большевизация советов на Урале началась значительно раньше, чем в остальной России.

Уже в середине августа областной с'езд советов рабочих и солдатских депутатов принимал большевистские резолюции, и избранный им областной исполнительный орган состоял в большинстве из большевиков. Эсеровская фракция этого с'езда раскололась, и часть эсеров поддержала уже тогда требование большевиков о переходе власти к советам.

Уже в сентябре огромное большинство советов Урала были большевистскими, а те немногие советы, где большевики не имели за собой большинства, шли за большевиками. С полной очевидностью это выяснилось на втором окружном с'езде советов екатеринбургского округа, открывшемся 13 октября.

На нем было представлено 56 советов, об'единявших до 274.000 рабочих и солдат.

Состав с'езда говорил об огромном сдвиге в низах, о росте революционного настроения рабочих и солдатских масс на окружающих екатеринбург заводах.

С'езд этот вместе с пермским окружным с'ездом советов должен был мобилизовать революционный Урал для поддержки всероссийского с'езда советов, который примерно в эти же дни должен был со-

браться в Питере. С'езд этот, как писал перед его открытием «Уральский Рабочий», должен был явиться «как бы смотром зауральских рабочих перед боем».

С'езд не только оправдал, но и превзошел ожидания.

Из 108 делегатов с'езда фракция большевиков и интернационалистов насчитывала 79, фракция с.-р. только 21. Меньшевиков на с'езде оказалось всего 3 человека, но и те, заявив, что они не оборонцы, а интернационалисты, примкнули к большевикам.

Резолюция, говорящая о том, что момент решительной схватки с буржуазией наступил, что из этой схватки должно выйти сильное революционное правительство, проводящее лозунги партии большевиков, собрала на с'езде 83 голоса. Против нее не голосовал никто, эсеры воздержались.

Таким образом, с'езд единогласно принял решение всеми способами, не останавливаясь перед самыми решительными выступлениями, поддержать всероссийский с'езд советов и застрельщиков революции—революционные советы Северной области и Балтийского флота в их решительных шагах.

С таким же единодушием были с'ездом приняты резолюции о предпарламенте и о борьбе с экономической разрухой.

Это единодушие не оставляло никаких сомнений в том, что почва для превращения советов в органы государственной власти на Урале, столицей которого являлся Екатеринбург, вполне подготовлена.

А как же обстояло дело в самом Екатеринбурге? Что представлял из себя екатеринбургский совет?

Роскошный дом одного из уральских богачей-промышленников—Поклевского-Козелл в центре города. Клубы махорочного дыма под лепным рас-

писным потолком. Скрип солдатских сапог по паркету. Рабочие засаленные пиджаки, небрежно брошенные на шелковые подушки позолоченных диванов. А в огромных во всю стену зеркалах отражение потока серых, замызганных людей, с раннего утра заливающего залы барского дома. Толчея, гомон, суета, споры в коридоре, в каждой комнате, в кабинете председателя эсера Горина.

Вот он екатеринбургский совет в повседневной, будничной обстановке.

А раз—два раза в неделю в полумрак В.-Исетского театра собираются с разных концов города его депутаты на заседание. И тогда гудит старый театр, как встревоженный улей.

Часами идет заседание совета. И часами не стихают споры. Упрямы и прямолинейны большевики. У них нет сомнений в том, куда должен идти совет, как должен он строить по новому жизнь. Они идут напролом, они не знают колебаний. Их речи остры, как сталь, а сами они пропахли насквозь машинным маслом и копотью заводских мастерских. Они хозяева в рабочей секции совета, но когда приходят в театр на заседание,—тонут в серо-зеленом море солдатских шинелей и гимнастерок. Солдат в городе больше, чем рабочих. Солдатская секция совета более многочисленна, нежели рабочая.

Казарма—это в значительной степени деревня. В деревне тогда были очень популярны эсеры. С этой симпатией к эсерам солдаты приходили в Екатеринбург, находили здесь в казарме сильную эсеровскую организацию и, естественно, примыкали к ней.

Но жизнь работала на большевиков. Эсеровский угар проходил. Солдатская масса начинала понимать, что партия с.-р. осталась революционной только по названию, что революционный дух от нее отлетел. Солдатская масса начинала уже тянуться

к тем, кто не на словах, а на деле боролся за мир и землю—к большевистской партии.

Екатеринбургские большевики сначала даже не учли этого перелома в настроении солдат. Он ясен стал только в конце лета, когда, только благодаря влиянию большевистской организации, удалось избежать эксцессов, спровоцированных неожиданным распоряжением Керенского о немедленном возвращении солдат, отпущенных домой для сельско-хозяйственных работ. Вторым показателем перелома среди солдат были выборы 30 июля в городскую думу, когда добрая половина их отдала свои голоса большевикам.

Создалось странное положение.

Большевики были полными хозяевами на фабриках и заводах, почти во всех профессиональных союзах. В казарме они были не слабее эсеров. В совете они были самой многочисленной фракцией (их было больше чем с.-р.), но, тем не менее, имели меньше половины голосов, и блок с.-р., меньшевиков и беспартийных был сильнее их. Тем не менее, случалось, что голосование на пленуме совета давало самые неожиданные результаты.

Так, например, 8 июля в предложенную эсерами резолюцию об изменении состава Временного Правительства по настоянию большевистской фракции был включен пункт о переходе власти к Советам, который и был принят подавляющим большинством. А спустя пару недель Совет принял, под давлением революционно настроенных низов, уже резолюцию большевистской фракции по текущему моменту.

Линия большинства совета была крайне неустойчива.

Почва уходила из под ног тех, кто формально вел за собою большинство в совете. Но они не хотели

терять последних остатков доверия и влияния в солдатской казарме и в рабочей среде. И, трусливо оглядываясь в сторону своих губернских и всероссийского центров, они рысцой бежали следом за большевиками и заявляли о своей готовности их поддержать в борьбе с наступающей контр-революцией, правда, с тысячью разных оговорок.

Но они не поспевали за локомотивом истории и на всех поворотах пути безнадежно отставали. Мало-по-малу они оставались генералами без армии, которая неуклонно шла вперед и вперед, оставляя их позади.

Революционное настроение на екатеринбургских заводах и в казармах росло с каждым днем.

4-я страница «Уральского Рабочего» тех дней, на которой печатались рабочие корреспонденции с мест и солдатские резолюции, была верным барометром, предсказывавшим революционную погоду в уральской столице. И уже в августе—сентябре этот барометр показывал «бурю».

А екатеринбургский совет в эти дни вступил в полосу жестокого кризиса.

Большинство совета, понимая, что его политическая линия не встретит одобрения рабочих и солдатских низов, не могло вести активной политической работы.

Но и большевики не могли взять на себя руководства работой советов, войти в большинстве в его исполнительный комитет.

Совет находился как-бы в параличе. Внешне очень деятельный, шумный, всегда битком набитый народом, исполнительный комитет плыл по течению, ограничивался тем, что выполнял текущую ежедневную работу, не руководил событиями, а шел за ними. Одно время стал даже ослабевать у депутатов совета интерес к общим собраниям. Случалось,

что они не могли открыться за отсутствием кворума.

Нужен был какой-то толчок, который оживил бы совет. Таким толчком явилась корниловщина и начавшееся за нею открытое наступление контрреволюции.

Выступление Корнилова всколыхнуло весь рабочий Урал, а с ним и рабочий Екатеринбург. Начавшийся саботаж уральских горнопромышленников укреплял в рабочих массах сознание необходимости борьбы, ставил эту борьбу в порядок сегодняшнего дня. Почти без всяких усилий со стороны сравнительно слабых численно партийных организаций рабочие Урала воспринимали, быстро усваивали и еще быстрее применяли на практике боевые лозунги большевистской партии.

Больше чем за месяц до победы рабочей революции заговорили на Урале о необходимости национализации заводов, как единственной мере, которая может спасти их от остановки. И не только заговорили—у уральских рабочих дела никогда не отстают от слов.

Самочинно, против воли хозяев, сломив сопротивление агентов правительства, они пустили бездействовавший целые годы Нязе-Петровский завод. Революционным путем они, с санкции екатеринбургского окружного совета рабочих и солдатских депутатов, захватили бездействовавшую мешечную фабрику Жирякова, об'явили ее секвестрованной и пустили ее полным ходом. Они посадили в тюрьму екатеринбургского фабриканта Злоказова за неплатеж жалованья рабочим, а его завод взяли в свои руки. Они повели отчаянную борьбу со ставленниками заводчика Солодовникова, решившего закрыть Ревдинский завод. И из этой борьбы они вышли победителями, отстояв завод. Повсюду на заводах расли и укреплялись органы рабочего контроля, поднимая с ни-

зов и воспитывая будущих администраторов и директоров заводов и превращаясь, мало-по-малу, в фактических хозяев заводов и фабрик.

А в Екатеринбурге на Коробковской ул. притаилось и строило планы удушения рабочей революции бюро совещания горнопромышленников Урала. Оно разворачивало свою работу медленно, но верно. Действовало не открыто, а через своих агентов, через технический персонал. И, как результат его работы, на заводах сокращались рабочие, создавалось положение, близкое к катастрофе, не было денег, не было необходимых материалов, не было сырья, не было топлива, не было продовольствия, расла, становилась все более и более реальной угроза безработицы.

Ослабевающий с каждым днем пульс уральской промышленности лучше всяких агитаторов областного и екатеринбургского партийных комитетов говорил о наступлении контр-революции.

1 сентября рабочий Урал мобилизовал свои силы для отпора этой контр-революции. Этой мобилизацией была однодневная всеуральская забастовка протеста против политики Временного Правительства, играющего на руку контр-революции. Забастовка эта случайно совпала с выступлением Корнилова и это придало ей особую значительность. И в то время, как Питер посылал отряды матросов и красной гвардии против Корниловских банд, Урал в грозном молчании замерших фабрик и заводов требовал от Временного Правительства гарантий и обеспечения добытых свобод и заявлял о своей решимости защищать завоевания революции и бороться за власть советов.

Как и вся трудовая Россия, длинный и тяжелый путь прошел Урал за 9 месяцев— от февраля до октября 1917 г. Но его рабочие раньше других должны

были начать борьбу с капиталом, и для них этот путь оказался короче, чем для рабочих остальной России.

Задолго до октябрьской победы власть Временного Правительства в Екатеринбурге и почти всюду на рабочем Урале была властью только на бумаге. Екатеринбург, Невьянск, Лысьва, Алапаевск—всюду фактическим хозяином положения были рабочие советы. Даже земства—и те на многих заводах фактически были лишь исполнительными органами советов. Советы после некоторого затишья в связи с разгромом июльского вооруженного выступления петроградских рабочих снова начали оживать.

Ожил и екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов. Жизнь каждый день ставила перед ним все новые и новые вопросы, настойчиво требовала от него активного участия в их разрешении.

Но, чтобы закрепить это оживление работы совета, надо было создать в совете прочное большинство, опирающееся на большинство в низах. Для этого надо было совет переизбрать.

Предложение о переизбрании было внесено одновременно фракцией большевиков и фракцией с.-р. 4 октября совет единогласно постановил произвести после 15 октября общие перевыборы членов совета от всех заводов и от всех воинских частей.

В мотивировке этого постановления было указано, что к предстоящему Всероссийскому с'езду советов необходимо дать наиболее правомочное представительство.

Но т. к. выборы в новый совет должны были закончиться не ранее конца октября, а к 20-му октября в Питер надо было уже послать на с'езд делегатов, решили выборов не откладывать. Екате-

ринбург имел право на два места на с'езде. Решено было послать большевика Давыдова и эсера Павловского.

Избирая их, совет принял им наказ, представлявший из себя точную копию того наказа, какой выдвинул в виде своей избирательной платформы екатеринбургский комитет Р.С.-Д.Р.П.

В этом наказе депутатам поручалось добиваться перехода власти к советам, опубликования тайных договоров, немедленного предложения всем воюющим мира, немедленной передачи земли в руки земельных комитетов, введения рабочего контроля над производством, конфискации военных прибылей, беспощадного обложения буржуазии, демократизации армии и созыва Учредительного Собрания в назначенный срок.

Перевыборы совета проходили повсюду очень оживленно, местами даже бурно.

Избирательная борьба заострилась вокруг вопроса о власти. Этот вопрос неизменно стоял на повестке чуть не всех митингов и собраний, окружных и областных с'ездов, собиравшихся в течение последних месяцев в Екатеринбурге. Но никогда обсуждение его не носило того острого злободневного характера, какой оно имело на избирательных собраниях в дни выборов в екатеринбургский совет.

Политический кризис, от исхода которого зависела жизнь или смерть революции, семимильными шагами приближался к решительной развязке. Шансы на мирный исход его уменьшались с каждым днем.

«Кризис назрел, — писал в эти дни в «Рабочем Пути» Ленин.—Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной

рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел»...

В Екатеринбурге этот кризис нашел свое выражение в том, что эсеры и меньшевики всюду с треском проваливались на выборах в новый совет.

Рабочие выбирали сплошь большевиков. Солдаты в большинстве посылали их же. А если и выбирали эсеров или сочувствующих им беспартийных, то почти всюду принимали большевистский наказ.

Почти всюду этот наказ проходил единогласно. За него голосовали во многих местах даже эсеры.

Так было, например, на Верх-Исетском заводе. Здешние эсеры заявили на избирательном собрании, что они считают себя автономными от екатеринбургской эсеровской организации и причисляют себя к максималистам.

— Довольно нам головы морочить,—говорили на собрании рабочие эсеры—7 месяцев нас дурманили. Дело дошло до того, что стыдно рабочим глаза показать. Теперь мы максималистами стали. Мы так думаем, что это все равно что большевики.

Первое собрание переизбранного совета состоялось 25 октября—в день открытия Всероссийского с'езда советов.

О том, что в этот день происходило в Питере, никто ничего не знал. Телеграммы об открытии с'езда советов должны были прийти только на-завтра.

Один из уральских делегатов, уехавших на с'езд, челябинец Васенко, прислал Сосновскому телеграмму, в которой сообщал последние петроградские новости.

«Доклады петроградского совета, фронтовых делегаций,—писал он,—ставят вопрос о необходимости перехода власти к советам. В Петропавловскую крепость петроградский совет назначил особого комис-

сара заведывать складом оружия. Никакие предметы снаряжения помимо комиссара брать нельзя. Гарнизон Петропавловской крепости заявил о переходе на сторону совета. «Новая Жизнь» признает реальную силу большевиков и призывает центральный исполнительный комитет к соглашению с ними. Девятый кавалерийский полк был раньше на стороне временного правительства, теперь заявил о своем переходе на сторону петроградского совета. Передают, что правительство с фронта затребовало войска. Одна дивизия юго-западного фронта отказалась. Казачья конференция юго-западного фронта выразила доверие правительству».

Эта телеграмма взбудоражила весь партийный и советский Екатеринбург. Было ясно, что долгожданные события уже на пороге, что последняя схватка началась.

Но никто не думал, что развязка начавшейся борьбы за власть наступит так быстро.

Когда вечером собрался на заседание совет, об этой телеграмме уже все знали. Слухи о событиях в Питере, как всегда водится, преувеличенные, уже передавались из уст в уста. И собрание совета прошло в необычайной даже для тех времен повышенной нервной атмосфере.

О соотношении сил в новом совете можно судить по результатам голосования на этом первом его заседании: при выборах председателя совета за Сосновского было подано 234 избирательных записки и 64 неизбирательных, причем 16 беспартийных депутатов воздержались.

Собрание было шумное и бурное.

Особенно много споров вызвало предложение большевистской фракции о посылке приветствия Всероссийскому с'езду советов и Балтийскому флоту.

Эсеры никак не хотели согласиться с той редакцией, какую большевики дали этим приветствиям.

В конце-концов приветствие решено было послать. В нем выражалась твердая уверенность, что «с'езд, сильный поддержкой всей страны, положит конец нынешнему недопустимому политическому положению, возьмет власть и твердой рукой поведет русскую и международную революцию к новым победам и миру»...

С'езд советов оправдал целиком и полностью надежды екатеринбургского совета: как раз в тот момент, когда представители екатеринбургских рабочих и солдат поднимали руку за то, чтобы с'езд взял власть,—с'езд уже выполнял их волю, уже претворял в дело то, о чем говорили они в своем приветствии.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ПОБЕДЫ.

То, чего мы ждали, за что мы страстно боролись, что неминуемо должно было свершиться, свершилось.

Петроградский пролетариат перевернул новую страницу истории.

Революция вступила в новый этап.

— Правительство Керенского пало.

— Власть—в руках советов.

Весть об этом пришла в Екатеринбург ночью по железнодорожному телеграфу.

Все в городе ждали этого известия, готовились к нему. И все же, когда оно пришло, оно показалось таким неожиданным, невероятным.

К полудню слухи о питерских событиях уже облетели город.

На заводах ни у кого не шла на ум работа. Рабочие бросали станки и целыми толпами шли в партийный комитет и в совет узнать поточнее—правда-ли? Не думали о том, что будет завтра, радостно захлебывались, упивались сегодняшним, пьянящим торжеством первой победы.

Обыватели растерянно собирались в кучки и, видимо, не вполне ясно отдавая себе отчет в происходящем, спрашивали друг друга:

— Что-то теперь будет?..

Толпа осаждала газетчиков, продававших только что выпущенные кадетским «Зауральским Краем» телеграммы о «захвате власти большевиками».

Около часу дня в кабинете председателя совета открылось собрание исполнительного комитета. Кроме членов его, сюда собрались представители партий, окружного комитета советов, члены областного совета р. и с. д., областного совета кр. деп., совета профессиональных союзов. Председательствовал избранный накануне председателем совета Сосновский.

В напряженной атмосфере заседания, в том под'еме, который охватил в это памятное утро всех и каждого, словно стерлись партийные грани, сгладились партийные разногласия, еще вчера, на собрании совета, так сильно дававшие себя чувствовать. Все—и эсеры, и большевики, и даже меньшевики—были единодушны. Разногласий по вопросу о конструкции власти в это утро не было никаких.

Исполнительный комитет об'явил себя единственной властью в городе и постановил отстранить от должности комиссара правительства Керенского Толстоухова. Решено было поставить комиссаров и охрану на железную дорогу, на телеграф, на почту, организовать охрану города, закрыть кадетский «Зауральский Край», со стороны которого каждую минуту можно было ждать какой-нибудь пакости или контр-революционной провокации.

Толстоухов был заменен прапорщиком Павловским—эсером с двумя помощниками: эсером—Пастуховым—членом уездного совета крестьянских депутатов и большевиком—прапорщиком Акопьянц.

В комиссию по охране города были назначены Зайдт, Доброклонский и Архангельский.

Для осведомления населения о происшедших событиях решено было возобновить издание не выходившей с сентября месяца газеты совета «Борьба».

Коллегии пропагандистов было поручено организовать в казармах митинги с целью раз'яснения

солдатам смысла развернувшихся в Питере событий.

Тут же на собрании был набросан Н. Н. Крестинским текст официального сообщения от исполнительного комитета о событиях и о переходе власти в городе к совету.

«Товарищи и граждане!—говорилось в этом обращении.—Коалиционное Временное Правительство, совершенно не удовлетворившее чаяний трудового народа, в своем последнем составе явно встало на контр-революционный путь. Уступая во всем капиталистическим буржуазным классам и подчиняясь реакционным верхам командного состава, оно повело преступную экономическую борьбу с народом, требовавшим немедленной энергичной борьбы за немедленный мир, немедленной передачи земли трудящемуся народу и решительных мер к устранению продовольственной разрухи.

Измученные рабочие и солдаты не могли долее терпеть это правительство, и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, видя неминуемую гибель революции под усиливающимся контр-революционным натиском имущих классов, решил положить этому конец.

23-го октября петроградский совет рабочих и солдатских депутатов избрал особый революционный комитет в составе 5 человек из представителей революционных партий социал-демократов (большевиков) и социалистов-революционеров. Революционный комитет об'явил Временное Правительство низложенным, а поддерживающий его Совет Республики распустил.

Временное Правительство не захотело добровольно сложить власть и поручило испытанным реакционерам Багратуни, Кишкину, Пальчинскому и Рутенбергу подавление восстания народа. Но

контр-революционная попытка не удалась, и Временное Правительство арестовано солдатами и рабочими Петрограда. Зимний дворец во власти народа.

Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов, приступая, совместно с советом крестьянских депутатов, к организации новой революционной власти в Екатеринбурге, призывает товарищей рабочих и солдат, крестьян и всех честных революционных граждан сплотиться вокруг советов и поддержать их в ответственной и трудной работе революционного строительства.

Действительная власть трудового народа осуществлена. Только опираясь на вашу поддержку, новая революционная власть сможет дать народу мир, землю и волю».

Немедленно сообщение это было отпечатано и расклеено по городу. Всюду перед ним сразу же вырастала толпа, на всякие лады обсуждавшая события.

Правительственный телеграф о том, что делалось в Питере, упорно молчал: центральный комитет союза почтово-телеграфных служащих не пропускал в провинцию никаких известий о перевороте.

Заправилы союза почтово-телеграфных служащих оказались не с революцией, а против нее. Оборвав связь революционного центра с провинцией, так жадно ждавшей вестей со с'езда советов, они наносили предательский удар революции в спину, активно выступили на стороне контр-революции.

Революционный Петроград фактически был отрезан от Екатеринбурга. Все сообщения, что шли оттуда, проходили через московскую цензуру ц. к. почтово-телеграфного союза и не доходили до Урала.

Даже такие безобидные сведения, как сообщение о составе нового правительства и обращение

Всероссийского с'езда советов ко всем воюющим с предложением немедленного мира, получены в Екатеринбурге не были.

И за весь день 26 октября в Екатеринбурге были приняты всего на всего две коротенькие телеграммы.

Одна из них гласила:

«Военно-революционный комитет, созданный исключительно петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, в настоящее время фактически стоит у власти».

Другая была еще более краткой:

«Зимний дворец взят. Министры арестованы. Никто не ранен»...

Какой простор давали эти телеграммы работе воображения и фантазии!..

Волнение в городе было необычайное. Ни у кого работа не шла на ум.

Екатеринбургский комитет Р.С.-Д.Р.П. и исполнительный комитет осаждали делегаты из казарм, рабочие с фабрик и заводов.

Все требовали, чтобы им показали телеграммы из Питера о последних событиях. Но краткость и отрывочность этих телеграмм возбуждала общее недоумение, пробуждала тревогу за судьбу победившей революции. Это недоумение и эту тревогу разносили делегаты по рабочим окраинам и казармам.

Городской голова Обухов созвал экстренное заседание доживавшей свои последние дни цензовой думы, чтобы выяснить ее отношение к происшедшим событиям.

На собрании думы царила полная растерянность. Обухов спрашивал у думы совета—что делать, если завтра придут большевики и будут гнать его из думы. Растерявшиеся гласные ничего путного не могли ему посоветовать.

Однако, все они сошлись на одном—надо сидеть смирно и ждать, как развернутся события.

— Если придут к нам,—говорил гласный Бибиков,—и скажут, вы больше не хозяева, мы должны уйти...

Буржуазия Екатеринбурга трезво оценивала на чьей стороне сила и под удар этой силы своей головы подставлять не хотела.

Эсеры также устроили у себя в комитете собрание организации для того, чтобы выявить свое отношение к событиям.

Еще вчера горячо ратовавшие за Керенского и с пеной у рта резавшиеся с большевиками по вопросу о власти, эсеры сегодня, захваченные общим под'емом, дружно поднимали руки за поддержку «всеми имеющимися в распоряжении эсеровской организации средствами» петербургского революционного комитета.

Большинство эсеров было в этот день безусловно на стороне переворота. Лишь двое—Ерухманов и Меклер, при поддержке незначительной группы единомышленников, выступили в защиту свергнутой власти. Большинство ораторов, выступавших в этот день на эсеровском собрании, доказывали, что захват власти советами является «необходимым для укрепления завоеванных свобод революционным актом», почему «каждый соц.-рев. должен встретить его сочувственно и оказать ему поддержку».

После долгих и жарких прений большинством 39 против 11 была принята резолюция следующего содержания:

«Считая факт свержения Временного Правительства и захват власти революционной демократией естественным и единственно желательным выходом из положения, созданного коалиционно-соглашательской политикой Временного Правительства, местная

организация партии с.-р. призывает всех, в полном сознании принимаемой на себя ответственности, сплотиться вокруг совета рабочих и солдатских депутатов, находящегося в тесном контакте с советом крестьянских депутатов, и решает—всеми имеющимися в распоряжении организации средствами поддерживать временный петроградский революционный комитет».

Таково было решение этого единственного в своем роде эсеровского собрания, безоговорочно заявившего о готовности поддерживать советскую власть.

Вечером было созвано в новом городском театре экстренное собрание совета.

Охрану театра нес наряд солдат во главе с каким то прапорщиком. Пропускали только членов совета и имеющих пропуска. Тем не менее театр оказался набитым до отказу, так что даже явилось опасение за целость его балконов. Огромная толпа осталась за дверьми театра, т. к. всех желавших присутствовать на заседании зал вместить не мог.

Многим екатеринбуржцам памятно это историческое заседание.

Первым выступил Сосновский. Как всегда, речь его была чрезвычайно жива, остроумна и красочна. Неоднократно прерываемый аплодисментами, он сообщил те скудные сведения, какие имелись в исполнительном комитете, о борьбе питерского пролетариата за власть. Целой бурей аплодисментов было встречено его сообщение о том, что Зимний дворец занят революционными войсками и что министры Временного Правительства арестованы.

— Временное Правительство, говорил Сосновский,—было правительством гражданской войны, и екатеринбургский совет должен горячо приветствовать сместивших это правительство петроградских солдат и рабочих. Но не только приветствовать должны

мы петроградских солдат и рабочих, но идти по их славному пути...

Речь Сосновского вызвала необыкновенный под'ем среди собравшихся. Театр дрожал от аплодисментов, когда он кончил.

После перерыва выбрали новый исполнительный комитет,—его не могли выбрать накануне из-за того, что не было точно установлено процентное соотношение голосов, какими располагали фракции. Выбирали по-фракционно: большевики получили 219 голосов, эсеры 91, беспартийные 29.

За выборами последовали декларации партий.

Первым говорил от большевиков Крестинский, горячо призывавший совет не обольщаться достигнутой победой, а готовиться к новой борьбе, ибо для окончательной победы рабочей революции необходимо еще много сил.

Речь Крестинского была прервана маленьким инцидентом.

— Здесь вы слышали,—говорил он,—что Керенский бежал на фронт... Зачем? Быть может для того, чтобы поднять его против революционного Петрограда?..

Вопрос этот нашел себе отклик в зале.

— Довольно! Клевета!—понеслось на трибуну из угла, где обосновались г.г. Ерухмановы и вся их братия.

Начался невообразимый шум. Покрывая его, Крестинский, бледный и дрожащий от волнения, со всей силы своих легких кричал со сцены:

— Позор, что здесь могли раздаваться голоса в защиту Керенского! Вспомните, что в августе здесь говорили в защиту Корнилова, и что же?!.

Шум и протесты кучки упрямых эсеров утонули в море аплодисментов, которыми большинство собравшихся хотело выразить свою солидарность с оратором.

Вслед за Крестинским забарабанил своим зычным голосом эсер Успенский, приветствуя то, против чего он всего несколько дней назад так же зычно ратовал.

Очень большую и яркую речь произнес Хотимский, представлявший в те дни эсеровскую партию в исполнительном комитете областного совета крестьянских депутатов.

— Питерским восстанием,—сказал он,—начинается новая эра борьбы. Мы идем к созданию Третьего Интернационала, в котором гегемония будет принадлежать русскому пролетариату, первому поднявшему красное знамя восстания над измученным народом...

После Хотимского выступил анархист Жебенев, тоже неожиданно для всех ставший на платформу советской власти, Демьянюк—представитель уездного совета крестьянских депутатов и от имени беспартийных—молодой прапорщик Беляев.

Все речи, в общем, сводились к одному,—приветствие питерскому пролетариату, призыв к сплочению вокруг совета, к борьбе за его власть, к творческой, созидательной работе...

В заключение еще раз говорил Сосновский, указавший, что совету предстоит большая работа по охране порядка, борьбе с контр-революцией, упорядочению продовольственного дела, и призывавший участников собрания помочь в этой работе совету.

С бодрым приподнятым настроением расходились из театра члены совета и его гости—екатеринбургские рабочие.

И верилось всем, что в этой бодрости, в этом под'еме, большом и радостно-волнующем,—залог блестящих пролетарских побед, грядущих светлых и счастливых дней...

ДНИ ТРЕВОГИ.

Наступило утро 27 октября—утро второго дня рабочей власти в столице пролетарского Урала.

Угар вчерашнего дня начал проходить. Праздник революции кончился, наступали ее будни. В исполнительном комитете с утра началось заседание. Обсуждали ряд технических вопросов, связанных с охраной города, установлением порядка и т. д.

Исполнительный комитет был весь в сборе. На заседании царило спокойное, деловое настроение. Все вопросы решались дружно. Принимаемые решения не приходилось даже голосовать—они проходили без всяких возражений с чьей бы то ни было стороны.

Зато на заводах, в казармах, на улице царило большое возбуждение. Телеграмм из Питера не было. За весь день до города дошли только какие-то телеграммы из ставки явно провокационного свойства и принятые ночью по железнодорожному телеграфу коротенькие отрывочные сообщения о развернувшейся на подступах к Питеру борьбе за власть и о вмешательстве Викжеля.

Отсутствие телеграмм, как всегда водится, порождало слухи. Слухи ползли из улицы в улицу, из дома в дом.

Под впечатлением этих слухов, поздно вечером, после затянувшегося собрания фракции городского совета, в партийном комитете состоялось совещание

большевистского штаба—работников областного комитета партии и областного совета.

Видно было, что неопределенность положения пошатнула уверенность в победе пролетарской революции у некоторых товарищей.

— Надо выждать,—говорили они,—мы можем остаться одинокими и под ударами реакции растерять силы...

Другие, наоборот, говорили, что, начавши борьбу, надо боротья до конца, не оглядываясь назад и по сторонам.

После довольно продолжительных разговоров победило второе течение. Было принято решение закрепиться в Екатеринбурге и, опираясь на него, строить власть советов на всем Урале.

Для руководства этим строительством решено было создать боевой революционный областной орган. В состав этого органа были избраны Сафаров, Андроников и Воробьев.

В заключение совещанием этим было утверждено тут же написанное Войковым воззвание от имени областного совета ко всем советам Урала.

«Всероссийский с'езд советов рабочих и солдатских депутатов высказался за свержение правительства Керенского и установление власти советов,—говорилось в этом воззвании.—На смену ненавистному коалиционному правительству образовалась новая действительно революционная власть.

Пока нет возможности телеграфно снестись с новым правительством и получить от него точные распоряжения. Но твердо зная, что должна принести нашей измученной стране эта долгожданная революционная власть, областной совет рабочих и солдатских депутатов об'являет себя временным представителем нового правительства на Урале.

Областной совет немедленно входит в сношение с екатеринбургским областным и губернским советами крестьянских депутатов с целью образования полновластной областной уральской власти.

Областной совет всему уральскому населению заявляет: первым шагом нового правительства было предложение немедленного перемирия на всех фронтах с целью вступления в мирные переговоры. Революционной России суждено принести, наконец, Европе мир, прекратить проклятую бойню.

Да здравствует мир без анексий и контрибуций с предоставлением права нациям на самоопределение, да здравствует мир между народами!

Крестьяне! Все земли сельско-хозяйственного пользования должны перейти в распоряжение земельных комитетов до Учредительного Собрания.

Вы сами сейчас же на своих собраниях, сходках обсуждайте вопрос о переходе земли в ваши руки, который Учредительное Собрание окончательно закрепит.

С'езды крестьянских депутатов должны будут решить, каким образом будет осуществлен этот переход земли народу.

Областной совет немедленно приступает к организации контроля над фабриками и заводами. Фабрично-заводским комитетам и профессиональным союзам вменяется в обязанность выработать через советы те практические меры, которые будут признаны необходимыми.

Областной совет предписывает к немедленному исполнению: 1) всем местным советам взять власть в свои руки на местах; 2) нежелательных представителей старой власти сместить, сопротивляющихся арестовать, всякое сопротивление подавить оружием. О совершающихся событиях телеграфно или другим способом сообщать совету».

Следующие дни не принесли с собой ничего нового.

Связь восставшего Питера с Уралом по-прежнему оставалась нарушенной по милости заправил почтово-телеграфного союза. А провокационные телеграммы об успехах Керенского, о том, что большевики выбиты отовсюду и заперлись в Петропавловской крепости,—летели из Москвы одна за другой.

«Петроград взят войсками Керенского, о чем сообщаю для сведения»,—телеграфировал, например, всем войсковым организациям какой то комиссар Жданов.

Другой комиссар по фамилии Кизергаузен сообщал:

«В Москве идет бой. Центр уже в руках правительственных войск».

«Войсками комитета спасения родины и революции,—«информировал» провинцию председатель Совета Республики Авксентьев,—освобождены все юнкерские училища. Казачьими частями занято Михайловское, захвачены броневики, орудия, автомобили, занята телефонная станция. Стягиваются силы для занятия оказавшихся, благодаря принятым мерам, совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института—последних убежищ большевиков».

«Английский, французский, итальянский послы отозваны в срочном порядке из Петрограда»...

Телеграммы эти размножались кем-то, повидимому, комитетом кадетской партии, на ротаторе и во множестве расклеивались по городу, насыщая тревожными слухами и без того сгущенную атмосферу.

Почтово-телеграфный союз работал, что называется, на славу.

Иную, нежели почтовики, позицию заняли уральские железнодорожники.

Не в пример питерскому Викжелю, об'явившему межеумочный нейтралитет, главные комитеты Зап.-Ур. и Сев.--Вост. ж. д. на об'единенном собрании, с участием представителей районного комитета Омской ж. д. и представителей Пермской ж. д., постановили единогласно, что власть должна принадлежать советам и никому больше, и признали за Всероссийским с'ездом право организовать власть в центре и на местах.

Железнодорожный пролетариат на Урале оказался на стороне революции. Тем самым он значительно облегчил тяжесть первых дней работы новой власти, ускорил процесс ее укрепления, обеспечил ей полную победу.

Дни проходили словно в каком то угаре. На всех фабриках, заводах шли бурные митинги. Большевистские агитаторы говорили до хрипоты, всюду встречая восторженный прием.

Пролетарии Екатеринбурга и Верх-Исетского завода единодушно свидетельствовали готовность поддерживать советскую власть до конца.

28 октября вышли газеты «Уральский Рабочий» и «Борьба».

«Уральский Рабочий» вышел с большим лозунгом во всю страницу:

«Да здравствует власть советов революционной демократии!

Да здравствует всеобщий демократический мир!

Да здравствует русская, да здравствует международная социальная революция!

Да здравствует III Интернационал!»

Передовой шла статья Сосновского «Свершилось». В ней он предостерегал уральских рабочих:

«Не будем обольщаться легкостью этой победы. В смертном бою классовой борьбы не сдаются, а бьются до последней капли крови»...

Газеты разбирались нарасхват, но никого не удовлетворяли: никаких новых телеграмм в них не было. Ничего нового, сверх того, чго все уже знали, они сообщить не могли: телеграмм из центра не поступало.

29 октября «Уральский Рабочий» вышел только с одними статьями без всякой информации. «Борьба» так больше и не выходила,—без новостей ее незачем было выпускать.

Город был весь во власти слухов. Источником этих слухов, как и в предыдущие дни, был правительственный телеграф. Его провокационная работа свое черное дело делала.

Исполнительный комитет потребовал от телеграфа прекращения распространения провокационных телеграмм. Телеграфные чиновники ответили отказом и в то же время отказались передать по телеграфу обращение областного совета, заявляя, что они не хотят вмешиваться в борьбу старой и новой власти и об'являют нейтралитет.

30 октября исполнительный комитет ультимативно потребовал от телеграфистов подчинения и получил отказ. Тогда ему ничего больше не оставалось, как прекратить совсем работу телеграфа, ставшего в эти дни головой контр-революции на Урале.

Выполнить постановление о закрытии телеграфа было поручено комиссарам исполнительного комитета Тунтулу и Янсону.

Со взводом солдат явились они в 7 час. вечера на телеграф, вызвали председателя комитета почтово-телеграфного союза Тихонова и в последний раз предложили ему подчиниться постановлению областного совета, передать на места его обращение об организации новой власти и подчинить все поступающие извне телеграммы контролю назначенного советом рабочих и солдатских депутатов комиссара.

Тихонов отказался, сославшись на директивы ЦК п.-т. союза.

На комиссаров совета со стороны собравшихся вокруг телеграфных чиновников посыпался град насмешек, смысл которых сводился к тому, что не совет, мол, почтель-союзу, а союз совету будет сейчас диктовать условия. Без телеграфа вы, дескать, все равно не обойдетесь.

Тунтул рассердился.

— Сию же минуту уходите все вон с телеграфа! Телеграф закрывается.

Некоторые чиновники опешили: заявление Тунтула было для них полной неожиданностью. Заметались они кто куда. Началась паника. Кто начал рвать принятые на ленту телеграммы, кто рассовывать их по карманам. А кое кто начал выворачивать что-то из своих аппаратов, тушить электричество.

Тунтул поставил у всех дверей часовых, об'явил Тихонова и других разговаривавших с ним членов правления п.-т. союза арестованными и ответственными головой за порчу кем-либо из воинственно настроенных чиновников телеграфных аппаратов.

Это подействовало. Телеграфисты успокоились. Одного за другим их стали выпроваживать вон, выгружая у некоторых из карманов кучи телеграфных лент и каких-то мелких частей аппаратов.

А затем произвели полное выключение коммутатора и аккумуляторов. Аппараты остались без тока. Был составлен акт о закрытии телеграфа, помещение его было опечатано и у дверей поставлен караул.

Екатеринбург был окончательно отрезан от внешнего мира.

Выгнанные из телеграфа телеграфисты немедленно устроили собрание и постановили выпустить

воззвание с протестом против насилия и произвола со стороны совета и с призывом к населению присоединиться к их протесту.

Призыв телеграфистов нашел отклик на телефонной станции. Собрание телефонисток постановило:

— Из солидарности с телеграфистами об'явить стачку.

Телефон в городе перестал работать.

Но исполнительный комитет не растерялся. Он обратился за помощью к социалистическому союзу молодежи, организованному при большевистском комитете, и предложил ему послать группу ребят на коммутаторы телефонной станции на место забастовавших телефонисток.

А ребятам того и надо. Веселой шумной ватагой повалили они на телефонную станцию и запрудили ее небольшое помещение.

Что там было первое время—трудно себе представить. Шум, гвалт, суматоха, беспорядок. Ничего подобного телефонная станция с самого своего основания не видала. Путаница сперва с номерами была невероятная. Но уже короткое время спустя, после того, как ребята немного освоились, работа пошла ничего, гладко.

Работала молодежь усердно, ругаясь между делом с капризными абонентами и с телефонистками, которые заходили узнать, что делается на станции, и обзывали новоявленных телефонистов штрейкбрехерами...

Вслед за телефонной станцией прекратили работу служащие почты.

В городе начиналась паника. Даже на фабриках и заводах революционное настроение пошло на убыль. Про казармы же и говорить нечего.

Исполнительный комитет принял чрезвычайные

меры к охране порядка в городе. К несению охраны, помимо солдат, привлечены были и рабочие. Так, отряд вооруженных рабочих поставлен был на плотине городского пруда: кто-то пустил слух, что ее собираются взорвать.

До исполнительного комитета дошли сведения, что командир 126 полка Обухов ведет контр-революционную агитацию. Проверили. Оказалось, что он в приказе по полку об'явил телеграмму о взятии Петрограда войсками Керенского. Исполнительный комитет распорядился об его аресте.

Неизвестно откуда распространился слух: Питер все-таки пал, революция раздавлена повсюду и только в Екатеринбурге держится власть советов. И чтобы покончить с этой властью, Керенский послал на Урал войска...

Исполнительный комитет сделал попытку парализовать эти слухи и выпустил обращение к населению, в котором разоблачал источник вызывавших в городе панику сведений и доказывал их лживость.

На это обращение, расклеенное на столбах, не медленно появился отклик. Екатеринбургский комитет партии народной свободы в отпечатанном на ротаторе листочке «удостоверял», что телеграммы, сообщающие о поражении большевиков, которые исполнительный комитет называл подложными, «получены от Петроградского телеграфного агентства и за верность их ручается поч.-тел. союз».

— «Воззвание совета,—возвещали кадеты гражданам г. Екатеринбурга, имеет целью скрыть истину от солдат и рабочих, обманом вовлеченных в тяжкое государственное преступление. Городской комитет партии народной свободы вновь подтверждает, что Временное Правительство, опираясь на поддержку организованной демократии, заняло Петроград и Москву. Попытка большевиков потерпела полную

неудачу. То, что происходит в Екатеринбурге—есть последние судороги большевизма»...

Подобные прокламации только подливали масла в огонь и создавали почву для того, чтобы паника росла. Игра кадетской своры была ясна: они ставили ставку на обывателя, на его страх перед неизвестным, провоцировали погром совета.

Это стало особенно ясно исполнительному комитету тогда, когда на улицах появилось новое кадетское воззвание.

Воззвание призывало к подчинению «исключительно Временному Правительству и властям, от него поставленным». Кадеты утверждали в воззвании, что они всегда отрицали диктатуру с какой бы стороны она ни исходила, и заявляли, что они не могут признать власти советов, «как организаций неполномочных и не облеченных доверием всего народа».

В кадетском комитете на Златоустовской ул. в эти дни было большое оживление. Были все основания предполагать, что кадеты что-то затевают.

Понятно, что исполнительный комитет не мог оставить безнаказанной провокационную работу кадетского комитета, не мог допустить дальнейшего развертывания им антисоветской погромной агитации. Он отдал приказ об аресте наиболее видных кадетских деятелей. Они словно ждали этого—их никого не оказалось дома. Нашли и забрали одного только Лазарева.

Начальник милиции меньшевик Старцев отказался выполнить приказ исполнительного комитета об аресте этого самого Лазарева. Тогда исполнительный комитет отстранил Старцева от должности. А Лазарева пришлось водворять в кутузку чуть ли не самим членам исполнительного комитета.

ШАГ НАЗАД.

Екатеринбург был совершенно изолирован. Газет из центра не было. Телеграф и почта были закрыты.

— Пал Петроград или не пал?

— Победил Керенский или победил петроградский совет?

Никто не мог ответить на эти вопросы.

Об'явления совета говорили одно, воззвания кадетов и отпечатанные ими московские телеграммы — другое. И, покрывая все эти сведения, полз по городу слух о приближающихся карательных эшелонах.

Опровергнуть этот слух не было никакой возможности. И он тяжким грузом ложился на настроение не только обывателей, но и тех, кто хотел победы пролетарской революции и верил в ее неизбежность.

Дополз он и до областного комитета. Здесь не очень верили в казачьи эшелоны, но возможность контр-революционного нападения извне на революционную власть в Екатеринбурге всем казалась весьма и весьма реальной.

Положение новорожденной областной «власти» было далеко незавидное. Оставшаяся по милости телеграфа без работы, она влачила самое жалкое существование. Телеграммы по Уралу о переходе на местах власти к местным советам стопочкой лежали на столе у секретаря неотправленными. Рево-

люционная областная «тройка» могла проявлять свою власть только в пределах Екатеринбурга, приказывать только екатеринбургскому совету, который ни в каких приказах и подталкиваниях сверху не нуждался.

Молчание телеграфа действовало на всех крайне угнетающе. Невольно думалось, что в слухах, наполнявших город, в об'явлениях кадетов, с полной категоричностью говоривших о разгроме восстания, есть некоторая доля истины.

В большевистском штабе, являвшемся вместе с тем и советским штабом, по вопросу о дальнейшей тактике снова шли горячие споры. Одни не верили в возможность поражения революции и настаивали на самой активной политике, другие допускали возможность победы Керенского, но сдаваться ему без боя не хотели. Были и такие, кто предлагал, не выжидая даже хода событий, сложить оружие, считая, что петроградцы слишком зарвались вперед, что массы еще недостаточно созрели для осознания пролетарской революции и активной борьбы за нее.

Вопрос о том, сдаться-ли без боя, в случае наступления контр-революционных войск, или оказать им сопротивление, обсуждался областным комитетом самым серьезным образом.

Решили, как и в первый раз: дратья до последнего, но власть Керенскому не отдавать.

Но как дратья? Какие силы двинуть против карательных эшелонов?

Солдат? Они не пойдут. И то это в лучшем случае. В худшем—они повернут оружие против новой власти. Как в конечном счете в решающий момент сложится настроение казармы—сказать никто не мог.

Рабочих? Они готовы дратья за советскую власть. Но с пустыми руками их против пулеметов не поведешь.

Надо было искать оружие, вооружать, обучать красную гвардию. На это нужно было время. Его не было.

Кто-то внес предложение: выиграть время, задержав контр-революционные войска на подступах к Екатеринбургу. За это предложение ухватились. Притащили откуда-то железнодорожные карты и долго сидели над ними, соображая, какие мосты на какой железной дороге следует взрывать в первую очередь, какие во вторую.

При ближайшем рассмотрении дело это оказалось гораздо канительнее, чем все думали вначале: нужны были знающие подрывное дело люди, нужен был динамит, нужно было, наконец, в точности знать, когда, кто идет походом на Екатеринбург и... идет-ли кто-нибудь вообще.

Толку от всех этих разговоров над железнодорожными картами, конечно, никакого не получилось. И когда дело стало подходить к полуночи, разговоры эти даже участникам их стали казаться гаданием на кофейной гуще.

Так и разошлись, ни до чего не договорившись.

Если так действовали слухи об эшелонах карательных войск на большевистскую гвардию, можно себе представить, как они отразились на настроении обывательской мелко-буржуазной массы. Она была охвачена форменной паникой. Политические выразители настроений этой массы «в борьбе обретающие свое право» эсеры испугались возможной борьбы и ударили отбой. Телеграммы ц. к. почтово-телеграфного союза, сообщавшие о том, что вся «демократия», и эсеровская партия в том числе, против «большевистского переворота», отрезвили эсеровские головы, от той уверенности, с которой они 26 октября выступали перед советом, не осталось и следа.

При напоминании о принятой ими в этот день

резолюции о том, что «захват власти революционной демократией является *«естественным и желательным исходом»*, г.г. Успенские краснели, как провинившиеся ребята, и что то ворчали себе под нос о «демократических гарантиях»...

И через 4 дня после торжественных заверений о поддержке новой власти эсеры на общем собрании организации приняли следующий наказ своим представителям в исполнительном комитете:

«Никакого захвата власти большевиками, никакой диктатуры эсеровская партия не признает и настаивает на немедленном осуществлении закона о неприкосновенности личности, свободы печати и т. д.». Попросту говоря, они пред'явили требование: освобождения арестованных кадетов, разрешения выхода «Зауральского Края», свободы черносотенной агитации.

В ответ на эти требования большевистская фракция только иронически пожала плечами... Тогда эсеровские представители вышли из состава исполнительного комитета.

После их ухода в исполнительном комитете было решено поручить дело управления городом и его охрану менее громоздкому, чем сам исполнительный комитет, военно-революционному комитету. В состав его вошли т. т. Крестинский, Тунтул, Вайнер, Войков и беспартийный Броницкий.

Начавшееся 29 октября в музыкальном училище эсеровское собрание не могло в этот день закончиться. Неопределенность положения породила в эсеровской среде колебания и разногласия. Углубляясь, эти разногласия раскалывали екатеринбургскую эсеровскую организацию на две половины, как это было и в Питере, и в Москве, повсюду. Жаркие споры об отношении к питерским событиям и о власти велись 29 октября до глубокой ночи и были, в конце

концов, перенесены на следующий день. Следующий день также прошел в спорах, которые в итоге привели к окончательному расколу. «Левые» победили.

Большинством всех против 33 правых (Чернавин, Ерухманов, Колосов, Кащеев, Железнов и др.) была принята резолюция о том, что петроградское восстание есть не «большевистская авантюра», а «стихийный акт революционного чувства».

Собрание нашло, что власть в центре и на местах должна быть «однородной», составленной из представителей «социалистических партий и революционно-демократических организаций». Но «без диктатуры какой-либо одной партии или части демократии».

Наговорившись до одурения, усталые и измученные двухдневными спорами, приехали представители с.-р. в исполнительный комитет и пред'явили «засевшим в нем» большевикам эту резолюцию, предложив немедленно приступить к созданию новой власти.

После некоторых колебаний предложение эсеров было принято...

Что побудило большевиков согласиться на эсеровскую «коалицию»?

Дело в том, что после закрытия телеграфа в городе создалась обстановка, исключавшая всякую возможность спокойной работы.

День 30 октября был самым тревожным днем за все это время. О том, что происходило в Питере, в Москве, на остальном Урале, в ближайших городах—никто ничего не знал. Слухи росли все больше и больше. Уже были подсчитаны силы, двинутые против Урала. Уже был назначен час, когда должно было начаться восстание в самом Екатеринбурге.

Эти чудовищные слухи выбивали последнюю

почву из под ног эсеров и отпугивали от совета всю массу мелкой буржуазии. Эсеры ушли из исполнительного комитета, и власть в городе фактически принадлежала только большевикам.

С таким положением эсеры не хотели примириться и, не имея большинства в совете, они решили во что бы то ни стало добиться создания такого органа власти, где бы они и им подобные были все-таки в большинстве.

Перед большевистской фракцией стоял вопрос— или согласиться или отказаться.

В случае ее отказа, эсеры умыли бы руки и ушли бы от совета в противный лагерь. Тогда перед большевиками вырос бы настоящий фронт из контр-революционной буржуазии и всей мелко-буржуазной и обывательской массы. Положение уже было таково, что контр-революционное выступление казалось совершенно неизбежным. Между тем, большевистский штаб далеко не был уверен в том, что все солдаты, среди которых влияние эсеров было еще довольно значительно, в нужный момент свои резолюции претворят в дело и выступят активно за совет, а не против него, если ему будет угрожать опасность. У рабочих настроение было вполне твердое, но они для вооруженной борьбы совершенно не были организованы, не было у них и оружия.

Эсеры подкрепили свое предложение сообщением о том, что почтово-телеграфные служащие стали на их же платформу, готовы послать своих представителей в состав органа новой власти и подчиниться его директивам.

Это сообщение ускорило решение вопроса: представители фракции большевиков дали согласие организовать в Екатеринбурге по эсеровскому рецепту «однородную власть», решив для самих себя, что эту «власть» они «всерьез» не принимают, поста-

раются ею овладеть и использовать ее для того, чтобы выиграть время, и когда наступит подходящий момент, с нею покончить. И в 5 часов утра 31 октября было заключено соглашение об организации революционного комитета или, как его называли некоторые эсеры, «комитета спасения».

В состав этого комитета вошли по два представителя от исполнительного комитета совета раб. и солд. деп., исполнительного комитета совета кр. деп., от большевиков, от эсеров, от железнодорожников, от почтово-телеграфного союза, от ц. б. профессиональных союзов, от центрального совета ф. з. комитетов и по одному представителю от меньшевиков и бундовцев.

Коалиция была создана. Родилась «однородная» власть из наспех сколоченных совершенно разнородных идеологически элементов. Эсеры ликовали— большевики были посрамлены, и они снова оказались где-то около власти.

31 октября волнение в городе было необычайное. В доме Поклевского, где помещался совет, было людно и шумно. Парадный ход был закрыт. Дом охранялся красной гвардией и напоминал осажденную крепость. Проникать в него можно было только со двора, по черному ходу.

К 10 часам утра на улицах начали собираться группы обывателей, обсуждавшие происходившие события. Повсюду совершенно открыто велась погромная агитация.

Солдаты—вестовые исполнительного комитета— торопливо расклеивали на улицах об'явление об окончании спора о власти и об отмене распоряжения о закрытии телеграфа. Эсеры расклеивали на столбах резолюции своего собрания о власти: резолюцию меньшинства и резолюцию большинства, к ко-

торой была сделана приписка с призывом «к спокойствию и возвращению к нормальной жизни».

Эти резолюции, однако, мало кого успокаивали Толпы народа не расходились, а наоборот увеличивались.

Кто-то пустил слух о том, что совет собирается арестовать управляющих всех екатеринбургских банков. Ссылаясь на эти слухи, а также на то, что они, якобы, без телеграфа не могут получить денег, банки вывесили об'явления о прекращении занятий.

Закрытие банков, наряду с закрытием телеграфа и почты, пугало обывательское население города.

Возбуждение все росло и к полудню достигло наивысшего предела.

Начали закрываться магазины, конторы, учреждения, учащиеся были распущены по домам. Контрреволюционных выступлений можно было ждать каждую минуту.

Особенно густая толпа собралась на улице перед помещением поч.-тел. конторы. В толпе было много солдат и крестьян, приехавших на почту с письмами и посылками в армию. Толпа была крайне возбуждена, и дежурившие у дверей телеграфа воинские патрули должны были время от времени осаживать ее от дверей на мостовую.

В помещении почты шло в это время собрание поч.-тел. служащих. Слушали доклад Стрижева о решении эсеровского собрания, о переговорах с большевиками и о создании «однородной власти». Единогласно постановили: присоединиться к эсеровской резолюции, послать от поч.-тел. союза двоих представителей в революционный комитет и приступить к работе.

Из окна телеграфа Тихонов сообщил толпе, что к 3 часам дня телеграф начнет работать. Толпа встретила это сообщение громом аплодисментов, воз-

буждение ее поулеглось и она стала по-немногу таять.

Чтобы окончательно разрядить атмосферу и успокоить массу, эсеровский комитет разбросал по улицам небольшую летучку с сообщением об организации революционного комитета и с призывом к спокойствию.

На углах белели большие афиши исполнительного комитета. По поводу распространившихся по городу слухов о предстоящих, якобы, беспорядках, он об'являл, что «обладает более чем достаточной вооруженной силой, чтобы предотвратить всякую возможность беспорядков».

«Всякое хулиганское выступление, — говорилось в афише,—будет немедленно самым суровым образом подавлено. Управление города передается революционному комитету, состоящему из представителей всех социалистических партий и демократических организаций. Занятия на телефоне и телеграфе возобновляются. Просьба к населению не поддаваться панике, лавок и учреждений не закрывать, на улицах не устраивать сходок. Учебным заведениям предлагается занятия продолжать нормальным порядком. Полный порядок и спокойствие гарантируются всей вооруженной силой совета»...

Этого, пожалуй, можно было бы и не писать: обыватель и без того приходил в себя, улицы мало-по-малу принимали свой обычный будничный вид.

Воинские посты перед поч.-тел. конторой были сняты. Помитинговав еще немного и пред'явив совету требование «полной свободы совести и печати, свободного оглашения и обсуждения всех поступающих на телеграф известий о ходе событий в стране, а также гарантии неприкосновенности личности членов поч.-тел. союза», работники почты и теле-

графа приступили к работе. Заработала и телефонная станция.

Жизнь в городе начала понемногу входить в обычную колею.

Для того, чтобы окончательно оформить состоявшееся соглашение о коалиции, решено было подтвердить соглашение на совете. С этой целью вечером в этот же день было созвано в городском театре экстренное собрание совета.

На этом собрании тов. Крестинский от имени фракции большевиков заявил, что они хотя и высказываются за создание революционного комитета, но отнюдь не обольщают себя надеждами на то, что из него выйдет толк. Его создание большевики рассматривают, как *шаг назад* по пути развития революции, поэтому они, как и раньше, будут бороться за передачу всей полноты власти совету и от лозунга советской власти не отказываются.

— Большевики отнюдь не обольщают себя надеждами на жизненность и работоспособность революционного комитета, — сказал Крестинский. — Мы имеем опыт подобных коалиций: они создавались в Екатеринбурге в июльские дни и в дни Корниловского выступления для недопущения погромов и отпора контр-революции. Обе эти коалиции, проживши несколько тревожных дней, умирали естественной смертью за ненадобностью. Теперь положение иное. Кризис слишком глубок. Борьба неизбежна. И если даже восстание в центрах разбито, вооруженное столкновение с местными или пришлыми усмирителями неизбежно. Эсеры клянутся, что они не отступят и будут в одних с нами рядах. Посмотрим! Если они обещание сдержат, они неизбежно должны будут стать на путь советской политики и не остановятся перед формальным восстановлением и советской власти. Или они уйдут в другой лагерь, и тогда

власть перед битвой и после битвы вновь перейдет в руки советов...

После декларации эсеров, совет принял следующее постановление:

«*Совет рабочих и солдатских депутатов, считая себя единственным источником власти, утверждает действия исполнительного комитета, заключающиеся в передаче таковой комитету народной власти для управления и поддержания революционного порядка в Екатеринбурге*».

Эсеры по существу остались в дураках по прямому смыслу этой резолюции, за которую они единогласно голосовали: источником власти был признан все-таки *совет*, а революционный комитет являлся лишь его *исполнительным* органом, и лозунг советской власти, провозглашенный большевиками, остался *формально* неурезанным.

Дальнейшие дни показали, что лозунг этот остался в силе не только формально.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ.

Лишь на другой день после организации революционного комитета были получены в Екатеринбурге телеграммы, сообщавшие правду о событиях, и пришли долгожданные газеты.

И газеты и телеграммы сказали одно:

— Пролетарская революция победила.

Исполнительный комитет и комитет партии были снова наводнены делегатами рабочих окраин. Рабочие требовали здоровой информации о событиях, требовали докладчиков, ждали от них ответа на тревоживший их вопрос:

— Не означает ли образование революционного комитета, что большевики сдрейфили, что они отказываются от советской власти?

Повсюду на фабриках и заводах шли, организованные большевистским комитетом, митинги и собрания. На них собирались все от мала до велика, приходили даже жены рабочих с ребятишками.

На этих собраниях большевистская организация снова ребром ставила вопрос о власти.

—Мы пошли на коалицию,—говорила она,—чтобы не ставить под удар новорожденную рабочую власть. Коалиция эта—гнилая и является, по существу, только ширмой. Вам решать, держаться нам за эту ширму или свалить ее при первой же возможности...

И рабочий Екатеринбург сказал свое слово. Он был верен самому себе. Он хотел только одной власти—советской и никакой другой.

Наиболее ярко это настроение екатеринбургских рабочих было выражено в резолюции тысячного собрания рабочих Монетного двора, которую они приняли после доклада своих депутатов о создании революционного комитета.

«Категорически протестуем, — сказали они, — против попыток выдвинуть на место одной сильной советской власти власть, разбавленную представителями кооператоров и других организаций, занявших явно контр-революционную позицию по отношению к совершающимся в России событиям. Мы требуем единой советской власти и никакой другой подчиняться не намерены. В случае же неудовлетворения наших требований, мы встаем на защиту нашего совета и не позволим умалять его значения»...

Примерно такие же резолюции принимались всюду. Принимались они и в казармах.

«Так как вся власть принадлежит советам, то они и должны быть этой властью, а не должны выдвигать никаких других органов власти,—говорилось, например, в резолюции, принятой 14 ротой 108-го полка.

«Приказы и приказания, которые исходят помимо совета, с негодованием отвергаем и признать не хотим»,—заявляла 1 рота 149 полка.

«Мы признаем только власть советов, которую будем защищать всеми имеющимися у нас силами. Революционный комитет мы признаем постольку, поскольку его решения не расходятся с решением совета».—Так сказал многотысячный солдатский митинг, созванный на Верх-Исетской площади.

«Единой властью в городе является совет. Протестуем против передачи власти какому-либо революционному комитету»,—заявляла 10 рота 108 полка и добавляла:

«Рота находится в боевом порядке и во всякое

время может с оружием в руках выступить на защиту совета».

«Революционный комитет считаем временно выдвинутым для поддержания порядка в городе. Но только считаем этот комитет нужным постольку, поскольку он является приемлемым исполнительному комитету совета»,—таков был голос 9 роты 108 полка.

Таких голосов было много. Они повторяли то, что говорила о революционном комитете партия большевиков. И в хоре их совершенно тонула эсеровская похвальба о низвержении большевистской «диктатуры», о «победе» над большевиками.

Победа эсеров с первых же дней оказалась гнилой. Они хотели при помощи революционного комитета овладеть властью. Для этого они таким образом подобрали в нем представительство, чтобы иметь в нем большинство. Но из их затеи ничего не вышло. Во-первых, потому, что революционные массы рабочих и солдат отказали в поддержке революционному комитету, и он оказался висящим в воздухе. Во-вторых, потому, что, не имея определенной линии, не зная какой тактики держаться, эсеры не смогли взять в свои руки инициативу в этом комитете. И, наконец, они просто физически не могли влиять на его работу. Как и следовало ожидать, большинство представителей неполитических организаций и не заглядывали в комитет. Представители почтово-телеграфного союза уже 2 ноября заявили, что они с большевиками, «как захватчиками власти», вообще в одной комнате работать не могут,—и вышли из рев. комитета. То же сделал представитель меньшевиков. Делегаты совета крестьянских депутатов присутствовали только на одном заседании. Железнодорожники заглядывали в комитет раза два.

В результате—высший «орган власти» в городе либо не мог собраться в законном составе, либо со-

бирался с большевистским большинством. Именно на этом строились расчеты большевиков, когда они шли на коалицию. И действительность оправдала эти расчеты самым блестящим образом: революционный комитет был лишь декорацией, прикрывавшей фактическую власть совета, руководимого большевистской организацией. Фактическим руководителем комитета был все время большевик Н. Н. Крестинский, возглавлявший собою президиум—пятерку (2 большевика, 2 эсера и 1 беспартийный—Броницкий). Этот последний все время рвался вступить в партию, но, т. к. он имел большой авторитет среди беспартийных солдат, большевики, по уговору с ним, оттягивали прием его в партию и через него тянули за собою колеблющихся беспартийных.

Эта пятерка не имела возможности самостоятельно работать, т. к. у нее не было ни сотрудников, ни аппарата, ни средств. Ни одна из вошедших в революционный комитет организаций денег ему не дала. Только исполнительный комитет совета пришел ему на помощь и открыл для него нищенский кредит в несколько сот рублей.

И волей-неволей, как бы этого ни не хотелось эсерам, революционный комитет вынужден был почти все свои «широкие» права осуществлять через аппарат *исполнительного комитета*, при *его* помощи, доказывая, тем самым, полную свою ненужность и никчемность.

Существовал этот комитет немного более трех недель, от дела не бегал, но и дела большого, выполняя указания большевистского штаба, не делал. Мало-по-малу работа его свелась только к надзору за состоянием продовольственного дела и к заботам о поддержании порядка в городе. Фактически революционный комитет стал просто отделом исполни-

тельного комитета, продолжая формально оставаться высшим над ним органом.

Действительная же власть принадлежала совету.

Вопросами, касающимися взаимоотношений труда и капитала, ведал с самого начала исполнительный комитет. Он же через свой военный отдел сосредоточил в своих руках управление боевыми силами екатеринбургского гарнизона.

Что же делал революционный комитет?

Первой его заботой было обеспечение в городе порядка и спокойствия.

В Перми об эту пору как раз случился пьяный погром: толпа разнесла винный и пивные склады, и целых два дня Пермь была во власти пьяной стихии. Когда весть об этом погроме дошла до Екатеринбурга, на улицах и в казармах какие-то темные личности стали распространять «самые что ни на есть точные» сведения о запасах и прекрасных качествах спирта, хранящегося на складах екатеринбургского водочного завода. Прошел слух: участники пермского погрома едут громить Екатеринбург.

Революционный комитет встревожился не на шутку. Решили усилить охрану города и застраховать город от возможности повторения пермской истории, потихоньку спустив спирт в протекающую недалеко от винного склада речку Мельковку, а по ней—в городской пруд. Затея эта чуть не довела до беды.

В ночь с 4 на 5 ноября спирт из баков спустили в канаву. На всем протяжении от винного склада до впадения Мельковки в пруд расставили охрану из рабочих Монетного двора. К чести их надо сказать, что, когда их сменили, в их среде не оказалось ни одного пьяного. Зато 2-я смена, занявшая посты с 4-х часов утра, почти вся перепилась.

Предполагалось, что спирт смешается с водой речки Мельковки и уйдет незаметно в Исеть. Предположения не оправдались: спирт с водой не смешался, всплыл поверх воды и на городском пруду появился даже поверх льда.

По утру вдоль всей Мельковки и на набережной пруда густо запахло спиртом. Охотники выпивки повалили к реке. Спирт пили прямо пригоршнями из канавы, черпали из прорубей ведрами. Водовозы развозили его целыми бочками...

Народу собралось видимо-невидимо. Появилось много пьяных. В толпе носились хулиганы, звавшие одурелых от водки людей громить винный склад. Кой-кого из них удалось арестовать.

На смену «не выдержавшим марки» рабочим пришлось выслать для охраны порядка солдат. Дальнейший выпуск спирта в реку прекратили, а на городском пруду открыли плотину, чтобы спустить спирт через проруби под лед. За растащенным спиртом пришлось устраивать целые облавы.

Екатеринбург в это утро был на волосок от погрома. Случаю угодно было, однако, чтобы дело обошлось на этот раз благополучно.

Слухи об эшелонах войск Керенского оказались, конечно, сплошным вздором. Но когда с Керенским все было кончено, на смену им пришли откуда-то слухи о движении на Екатеринбург оренбургских казаков. В революционном комитете этим слухам не верили, но возможность прибытия в Екатеринбург какой-нибудь контр-революционной воинской части вполне допускали. Решено было поэтому из особо надежных солдат гарнизона сформировать специальный отряд, который мог бы по первому требованию выступить в защиту совета. Отряд сформировали, во главе его поставили прапорщика Купресова. Отряд этот просуществовал недолго—о рен-

бургские казаки в Екатеринбург не приехали, работы отряду никакой не нашлось, и он скоро распался.

Много канители было революционному комитету с газетами.

Выпуск кадетского «Зауральского Края» был еще 26 октября приостановлен. Соглашаясь на создание революционного комитета, большевики согласились и на восстановление столь милой эсеровскому сердцу «свободы печати». 2 ноября революционный комитет разрешил выход «Зауральского Края», но под условием «не помещать непроверенных сообщений, могущих вызвать волнение в населении города».

Разумеется, кадеты с поставленными им условиями считаться не стали. И первый же после недельного перерыва номер их газеты опрокинул целый ушат помоев и клеветы на совет, на большевиков, на пролетарскую революцию вообще, выпустил настоящий фейерверк измышлений поч.-тел. союза о последних событиях в Питере и Москве. Тогда революционный комитет издал постановление, которым обязал все типографии и редакции газет во всех выпусках газет и телеграмм помещать указания о том, передано-ли сообщение поч.-тел. союзом или железнодорожным телеграфом и, кроме того, помещать в виде заголовка следующее:

«*От революционного комитета.* В виду того, что появляющиеся в печати сообщения, исходящие от поч.-тел. союза, о ходе событий внутри России и на фронте, не всегда соответствуют действительности, как, например, известная, оказавшаяся ложной, телеграмма о взятии Петрограда войсками Керенского, революционный комитет г. Екатеринбурга считает своим долгом предупредить население города о том, что ко всем подобным сообщениям из этого источника нужно относиться с особой осторожностью».

эсеровский «Вольный Урал» и обывательская «Уральская жизнь» стали выполнять обязательное постановление революционного комитета. Что касается «Зауральского Края», то он устроил своеобразную «забастовку».

На другой день после издания революционным комитетом этого постановления подписчики «Зауральского Края» вместо газеты получили прокламацию, изданную ее редакцией и издательством. Прокламация эта излагала всю историю «налета» совета и революционного комитета на «свободную» печать и заканчивалась гордым заявлением:

«Полагая, что подобное отношение к печати превосходит по пренебрежению к основам права поведение агентов охранного отделения и жандармов старого режима, редакция и издательство газеты «Зауральский Край» отказываются издавать газету при столь унизительных для свободной прессы условиях. Мы верим, что русская демократия быстро сумеет прекратить действия насильников, предоставив и нам в самом непродолжительном времени возможность возобновить выпуск газеты»...

Вера хозяев «Зауральского Края» в русскую демократию не оправдалась, и им, скрепя сердце, пришлось возобновлять выпуск газеты, так и не дождавшись прекращения действий «насильников».

Немало хлопот доставили революционному комитету выборы в городскую думу, которые происходили 5 ноября. В предыдущие выборы, которые были отменены, предвыборная агитация была настолько жаркой, что кое-где дело доходило до рукопашной. Были все основания опасаться, что во время вторичных выборов страсти расходятся во всю. Надо было принять меры к тому, чтобы свобода предвыборной агитации не вылилась, в конце концов, в свободу агитации за погром. Положение ведь

в городе было таково, что достаточно было пустякового повода, чтобы погром вспыхнул.

И революционному комитету снова пришлось печатать воззвания с призывом «обеспечить свободу выборов и в то же время не допустить насилия и призывов к насилию», устанавливать непрерывные дежурства, наряжать к избирательным участкам отряды солдат и милиционеров.

Тревога и на этот раз оказалась напрасной: выборы прошли благополучно, если не считать, что подле одного избирательного участка солдаты крепко поколотили какого-то не в меру развязавшего язык правоэсеровского агитатора.

Пожалуй, самым примечательным мероприятием революционного комитета было понижение цены на сахар. Дело в том, что правительство Керенского, зажатое в тиски безденежьем, повысило акциз на сахар, и цена его дошла до 1 руб. 50 коп. за фунт. Недовольство повышением цен на сахар было очень велико.

И вот, желая лишний раз показать населению, что на политике старого правительства поставлен крест, что новая власть отказывается строить государственный бюджет на основе «непомерного обложения предметов первой необходимости, потребляемых беднейшими слоями населения»,—революционный комитет возбудил ходатайство перед Совнаркомом о понижении цен на сахар. А пока суд да дело, постановил отпускать населению ноябрьскую порцию сахара по заготовительной цене, т. е. не свыше 75 коп. за фунт рафинада и 65 коп. за фунт песку.

Удар попал в цель: обыватель, да и не только обыватель, но и рядовой рабочий, совсем по иному взглянули на новую власть, когда прочли ее изве-

щение о новой цене на сахар. Это извещение лучше всяких агитационных листовок укрепляло положение новой власти, являлось бесспорным свидетельством того, что со старой властью, с ее гнилой политикой, покончено не на словах, а на деле.

Революционному комитету, благодаря усилиям сидевших в нем большевиков, так и не удалось приобрести никакого весу не только в глазах рабочих и солдат, но и в глазах городского обывателя. Все знали, что революционный комитет только ширма, что за ним стоят большевики, стоит совет. Даже самое название «революционный комитет» в обиходе почти-что не употреблялось. В городе говорили:

— Совет, слышь, спирт в Исеть спустил.

— Большевики цену на сахар сбавили.

О революционном же комитете или вовсе при этом не говорили или говорили о нем, как о каком-то привеске на совете.

Это незавидное положение простого привеска при исполнительном комитете было «оформлено» общим собранием совета уже спустя неделю после рождения «коалиции»—7 ноября.

Крестинский сделал на нем доклад о «работе» революционного комитета за неделю. И совет единогласно принял резолюцию, в которой было сказано очень недвусмысленно:

— Раз революционный комитет ведет всю работу именем совета и через него, пускай его себе пока существует.

А представителям совета в комитете дан был наказ:

«Вести в нем последовательно революционную линию, не считаясь с возможностью ухода отдельных групп из состава комитета».

Это решение совета окончательно сводило революционный комитет с того пьедестала, на который возвела его молва его изобретателей—эсеров.

Пролетарская революция победила всюду. И, по существу, революционный комитет уже можно было бы ликвидировать.

Для этого нужен был только подходящий момент.

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТУ!

Дни, между тем, спешили один за другим со ска зочной быстротой. Питерские газеты—ставшие боль шевистскими «Известия» и воскресшая »Правда»— рассказывали, как победоносно шла в Питере рабо чая революция, рассказывали, в какую пропасть скатилась эсеровская партия, какую недостойную, жалкую и смешную роль сыграла она в историче ские дни восстания.

Екатеринбургские эсеры поспешили выровнять свою линию с линией своих руководящих центров. Коалиция с большевиками оказалась для них слиш ком левой. И они скатились туда же, куда в Питере скатились Черновы, Даны и Либеры—в об'ятия черносотенно-кадетской контр-революции.

Их тактика, их поведение в эти тревожные дни были разоблачены до конца.

Рабочие и солдаты Екатеринбурга от них окон чательно отвернулись. Это доказали происходившие, 5 ноября выборы в городскую думу, на которых они потерпели полное поражение, это доказал «День Совета» — демонстрация, устроенная советом 21 ноября.

Эсеровский комитет начал бешеную кампанию против этой демонстрации, призывая рабочих и сол дат воздержаться от участия в советской демонстра ции. Но... на демонстрацию не пошли только бур жуи. Все рабочие, все солдаты, огромное большин-

ство интеллигенции и даже часть самих же эсеров, один из которых, т. Доброклонский, был назначен руководителем, пришли на нее, чтобы засвидетельствовать свою готовность поддержать советскую власть... Пришел на демонстрацию даже начальник гарнизона—полковник Марковец.

Грандиозный успех этой демонстрации и многочисленные резолюции рот и заводов, вынесенные за три недели существования революционного комитета, о поддержке советской власти, показали, что совет стоит прочно, что революционный комитет не имеет за собой совершенно никакой силы. Даже обыватели-чиновники, видя, что революционный комитет является по существу лишь отделом исполнительного комитета, стали признавать его постольку, поскольку он опирался на реальную силу, представленную советом. Они чувствовали эту силу и боялись ее. Было ясно, что теперь так же беспрекословно обыватели подчинились бы и советской власти.

В процессе своей работы революционный комитет умер. Это был призрак, существовавший по инерции, без плоти, без корней, без опоры.

Свое дело он сделал,—он успокоил бурю, бушевавшую вокруг совета в дни, когда Екатеринбург был отрезан от Питера и всей России, а в дальнейшем его существование дало совету временную передышку. За это время исполнительный комитет совета подсчитал, мобилизовал и организовал свои силы. Он узнал, кто его враг и кто его друг, и мог уже совершенно уверенно взять в свои руки всю полноту власти.

Учтя все это, большевистский партийный комитет взял на себя инициативу ликвидации революционного комитета.

22 ноября—на другой день после демонстрации вооруженных сил, сплотившихся вокруг — совета было созвано в первый раз за все время многолюдное собрание революционного комитета.

Указав на то, что вопрос о конструкции власти в центре окончательно разрешен слиянием В.Ц.И.К. Советов Р. и С.Д. с В.И.К. Советов Кр. Д. без всякого надсоветского органа, Крестинский изложил точку зрения большевиков на работу революционного комитета и предложил его ликвидировать.

Эсеровские представители молчали. Их ставка на коалицию была бита. Грандиозный успех «Дня Совета» убил их, как партию, в Екатеринбурге окончательно. Хозяевами жизни стали большевики.

Предложение т. Крестинского почти никаких возражений не встретило. Комитет принял резолюцию о самоупразднении и передаче всей власти совету.

Таким образом, с 23 ноября единственной властью в Екатеринбурге стал снова *совет рабочих и солдатских депутатов*...

Наступали дни напряженной и лихорадочной работы, трудного и ответственного строительства—дни тяжелой борьбы и дорого стоющих, но зато блестящих побед...

Москва, январь 1927 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
В кольце кризисов	3
Костлявая рука голода	7
Предрассветные тени	13
Большевистским путем	21
Перед лицом победы	33
Дни тревоги	42
Шаг назад	52
Революционный комитет	63
Вся власть совету!	74

Цена 45 коп. 14373

8 2